

УДК 811.111-342

Колегаева И. М.

КОММУНИКАТИВНАЯ ВТОРИЧНОСТЬ ТЕКСТА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ПАРАДИГМА

В статье рассмотрен феномен коммуникативной вторичности, т. е. воспроизведения протосообщений (цитат, персонажной внешней и внутренней речи) в научных и художественных текстах. Установлена корреляция интегральных и дифференциальных параметров протосообщений с функционально-стилевой принадлежностью текста.

Ключевые слова: коммуникативная вторичность протокоммуникация, протосообщение, протокоммуниканты.

Колегаєва І. М. Комунікативна вторинність тексту: функціонально-стильова парадигма. В статті розглянуто феномен комунікативної вторинності, тобто відтворення протоповідомлень (цитат, персонажного зовнішнього та внутрішнього мовлення) в наукових та художніх текстах. Встановлено кореляцію інтегральних та диференціальних параметрів протоповідомлень із функціонально-стилевою приналежністю тексту.

Ключові слова: комунікативна вторинність, протокомунікація, протоповідомлення, протокомуніканти.

Kolegayeva I. M. Reproduced (second-hand) communicativeness of a text: functional style paradigm. The article deals with the phenomenon of second-hand communicativeness, i. e. reproduction of a protomessage (citations, personages' uttered and inner speech) in an academic and belles-lettres text. We define correlation between integral and different parameters of a protomessage and functional stylistic attribution of the text.

Key words: second-hand (reproduced) communicativeness, protocommunication, protomessage, protocommunicants.

Уже второе десятилетие автор данной публикации разрабатывает теорию коммуникативной гетерогенности текста и, в частности, проблему коммуникативной вторичности как одной из трёх разновидностей подобной неоднородности целого завершённого сообщения, функционирующего в коммуникативном пространстве социума как в рамках художественного, так и не-художественного, в частности, научного дискурса. К первым двум проявлениям коммуникативной гетерогенности относим: 1) оппозицию *основного и вспомогательного* (предисловие, комментарий, оглавление и т. п.) текстов, в совокупности порождающую феномен *мегатекста* [об этом см.: 10; 13; 14], внутри которого дифференцируем 2) оппозицию *авторски-адресантного и не-авторски-адресантного текстов* (собственно текст произведения, авторский комментарий, оглавление, с одной стороны,

и предисловие/послесловие, эпиграф, не-авторский комментарий, цитация и т. п., с другой стороны).

Третью разновидность коммуникативной гетерогенности рассматриваем как оппозицию *коммуникативно первичного* и *вторичного сообщений*. Отличие одного от другого заключается в: 1) (не)знаковости референта сообщения; 2) способе его обозначения/воспроизведения знаковыми средствами и 3) хронологической (а)синхронности функционирования соответствующих сообщений в коммуникативном пространстве. Таким образом, если референт не является знаковым феноменом (сообщением), а значит ранее не существовавшим в коммуникативном пространстве, то сообщение, номинирующее, описывающее такой референт, является **коммуникативно первичным**.

Коммуникативную вторичность трактуем как *воспроизведение* в сообщении такого референта, который сам по себе уже является коммуникативным феноменом, например, цитируемым текстом, воспроизводимым разговором, *ранее существовавшим* (реально или фиктивно) *в коммуникативном пространстве*. Соответствующий референт, т. е. сообщение, которое подлежит воспроизведению, обозначаем термином *протосообщение*, участников изображаемой, воспроизводимой коммуникации называем *протокоммуникантами*, их общение – *протокоммуникацией*. Результат воспроизведения подобного референта дефинируем как *коммуникативно вторичное сообщение*.

Феномен коммуникативной вторичности свойствен не только вербальной коммуникации, он существует и в иконических сообщениях (живописных полотнах, кинофильмах). Наши наблюдения над ними см.: [9; 11; 12; 15].

Данная статья ограничивается рамками сугубо вербальной коммуникации, происходящей в двух сопоставляемых нами функционально-стилевых регистрах: художественная VS научная письменная коммуникация.

Несмотря на одинаково широкую представленность коммуникативно вторичных сообщений как в научной, так и в художественной прозе, они имеют ряд глубоких различий, коренящихся в базовом расхождении этих двух типов коммуникации.

Мы исходим из того, что референтным пространством текста в научной коммуникации является фрагмент объективной реальности, познаваемой учёным, но изначально внеположной авторскому сознанию, тогда как в художественной коммуникации референтное пространство – это всегда замкнутый универсум квазиреальности, созданный автором. Отсюда непосредственно вытекает, что протосообщения, входящие в референтное пространство, различаются своим набором в художественном и научном текстах. Способ их коммуникативно вторичного воспроизведения и выполняемые в итоге функции также различны.

Рассмотрим параметры протосообщений, воспроизводимых в художественной и научной прозе, и увидим, что эти параметры могут быть сгру-

ппированы в четыре оппозитивные пары: 1) реальные VS квазиреальные (фиктивные) протосообщения, 2) устные VS письменные протосообщения, 3) воспроизводимая внешняя VS внутренняя речь протокоммуникантов, 4) воспроизводимая нормативная VS ненормативная речь протокоммуникантов.

Параметр реальности/фиктивности протокоммуникации резко различает коммуникативно вторичные сообщения в научном и художественном тексте. В *научной прозе* в качестве протосообщений, подлежащих вторичной вербализации, используются исключительно **реальные** сообщения. Сюда входят: теоретические или иные источники, цитируемые в воспроизводящем тексте, и тексты-источники эпиграфов; вербальные коммуникативные образования, в том числе тексты любого стиля и жанра, являющиеся материалом исследования и в связи с этим приводимые в иллюстративных цитатах, например, художественные, публицистические и прочие тексты или их фрагменты, а также реальные высказывания говорящих на каком-либо языке.

Использование квазиреальных сообщений в научном тексте невозможно в принципе. Выдавать придуманное автором высказывание за реально существовавшую коммуникативную единицу есть факт подлога, законами научной этики подобные действия отвергаются. Другое дело конструирование автором возможных высказываний (напомним знаменитую щербовскую “Глокую куздру...” [см. об этом: 21]; аналогичную фразу для английского языка встречаем у Г. Глисона [3]). Такие высказывания эксплицитно маркируются как выдуманные и не имевшие реального коммуникативного статуса до появления в рамках данного текста.

Персонажная речь, которая является квазиреальным исходным сообщением в рамках художественного текста, становясь объектом изучения, а следовательно, и иллюстративного цитирования в рамках научного текста, утрачивает свою квазиреальность, поскольку она извлекается исследователем-филологом из реально функционирующего коммуникативного образования – произведения художественной литературы. В связи с этим следует попутно отметить неправомочность изучения аутентичной разговорной речи на материале и с иллюстрациями из диалога художественных текстов. В этом случае происходит подмена объекта исследования: артефакт изучается как факт.

Художественная проза в качестве протосообщений, подлежащих вторичной вербализации, использует:

а) **квазиреальные сообщения**, якобы произнесённые, написанные или промысленные персонажем; фиктивные тексты газетных сообщений, теле- и радиопередач, всевозможные надписи информативно-директивного или рекламного характера, отрывки из несуществующих литературных произведений, песен, сказок;

б) **реальные сообщения**, которые цитируются или пересказываются в художественном тексте, а также функционируют в качестве эпиграфа или заголовка. Чаще всего подобные протосообщения черпаются автором из разряда “прецедентных текстов”, т. е. не только “значимых для той или иной личности”, но и “имеющих сверхличностный характер, хорошо известный широкому окружению” [7, 216]. К таковым Ю. Н. Караулов относит произведения художественной литературы, а также мифы, предания, библейские тексты, притчи, анекдоты, имеющие “хрестоматийный” характер.

Коммуникативно вторичные части текста, базирующиеся на протосообщениях группы (а), согласно К. Кожевниковой, “созданы по принципу репродукции и производят впечатление, будто они существовали *до* включения в (инкорпорирующий – И. К.) текст и *вне* данного произведения и предназначались не прямо для читателя”, но обладали “квазинаправленностью к ... персонажу” [8, 68, 83]. Подобные вторичные сообщения возможны только в художественной прозе.

Рассмотрим следующий параметр протосообщений, воспроизводимых в научном и художественном тексте. **Протосообщения** могут существовать или мыслиться как существовавшие **в устной или письменной форме**. В **научном тексте** процесс вторичной вербализации преимущественно затрагивает **письменные** сообщения, например, цитируемые теоретические источники, текст как объект филологического анализа и иллюстрирования.

Лишь очень немногочисленные научные тексты (и только филологического профиля) подвергают вторичной вербализации **устные** сообщения. Это лингвистические исследования аутентичной речи, в которых исходный материал обычно промежуточно фиксируется звукозаписывающей аппаратурой и лишь потом трансформируется в письменные сообщения для иллюстративного цитирования в тексте статьи, монографии и т. п.

Однако средства обычного языкового кода в таком случае могут оказаться недостаточными, и автору научного текста приходится для письменной (точнее графической) презентации устного протосообщения прибегать к вспомогательным кодам – транскрипции, интонограмме и т. п.

Художественная проза в целом одинаково охотно воспроизводит и **письменные**, и **устные** протосообщения. В конкретных текстах, естественно, могут преобладать, к примеру, письменные сообщения: это имеет место в произведениях с коммуникативно вторичными вставками в виде писем, дневниковых записей, цитат либо полностью имеющих форму письменного перепорученного повествования.

Но в некоторых произведениях среди вторично вербализованных преобладают сообщения, исходно (предположительно) имевшие устную форму презентации. Это наблюдается в художественных текстах, изобилующих диалогом как типом изложения, или же полностью написанных в форме устного сказа. Причём письменно фиксируя устные исходные сообщения,

автор художественного произведения, в отличие от автора научной работы, не выходит за пределы языкового кода. Коммуникативная установка на идентичность воспроизведения реализуется им с помощью таких изобразительных средств, как шрифтовые изменения, стилистические приёмы графона и т. п.

Рассмотрим особенности протосообщений, относящихся к **внешней и внутренней речи**. Строго говоря, коммуникативно вторичной презентации или, в нашей терминологии, вторичной вербализации может быть подвергнуто только сообщение внешней речи. Внутренняя речь, по свидетельству психологов и психолингвистов, во-первых, не является вербализованной в полном смысле этого слова [5; 6; 1; 4] и, во-вторых, лишена коммуникативной функции [18; 19; 20]. В своё время Л. С. Выготский писал: “если бы удалось её (внутреннюю речь – И.К.) записать на пластинке фонографа, она осталась бы для нас совершенно непонятной. Эта непонятность внутренней речи, как и её сокращённость, является фактом, отмечаемым всеми исследователями” [2, 373].

Поскольку **внутренняя речь** не поддаётся адекватной фиксации средствами внешней речи, какие-либо её аналоги обычно отсутствуют в **научном тексте**, ибо последний стремится прежде всего к точности и объективности в отражении референтного пространства. В психологических и психолингвистических работах внутренняя речь выступает предметом научного исследования, но, как правило, не воспроизводится в иллюстративных цитатах.

В **художественной прозе** коммуникативно вторичное воспроизведение **внутренней речи** есть не более, чем имитация. Широкое её распространение в литературных произведениях – это результат творческого вымысла писателя и абсолютной условности художественной коммуникации. В литературе XX и тем более XXI вв. это явление распространено очень широко. По данным нашей выборки (157 рассказов англоязычных авторов общим объёмом 1400 страниц) каждый пятый рассказ содержит презентацию внутренней речи героев.

Отрезки изображённой внутренней речи варьируют от кратких вкраплений до несколькостраничных монологов. Предельной реализацией этой эстетической условности является техника потока сознания и образа непосредственного восприятия [16, 161 – 174; 22, 158].

Другим вариантом реализации подобной условности следует считать расщепление внутренней речи персонажа на разные партии, диалогизацию внутренней речи и появление среди квазиреальных отправителей этих сообщений потусторонних голосов.

Так, например, в рассказе Д. Гарнетта “Не по-спортивно” [24, 156 – 166] представлена внутренняя речь героини, квазиреальным отправителем которой является она сама: “*Mary thought: 'I've been left behind'*”, а также отчужденные высказывания её внутренней речи, адресантом которых выступают некие голоса:

“An insidious voice broke in: ‘Your husband, husband, husband, ran off leaving you asleep and jumped into one of the boats.’ A reasonable voice argued: ‘He might at least have woken you up and told you to follow.’ Mary said aloud: ‘There must be an explanation’.

Далее следует спор, в котором Мэри и голоса придерживаются противоположных точек зрения на поведение её мужа. Искушённый читатель, находясь в коммуникации с автором “поверх голов протокоммуникантов”, понимает, что в душе Мэри происходит борьба, в результате которой героиня вынуждена согласиться с мыслью о предательстве мужа.

Условность подобного приёма очевидна и входит в правила игры художественной коммуникации. Проанализированная выборка показывает, что из числа рассказов, содержащих вторично вербализуемую внутреннюю речь, почти треть рассказов представляют её в отчуждённом от персонажа виде.

Коммуникативно вторичное воспроизведение **внешней речи**, в отличие от внутренней, совершенно лишено каких-либо функционально-стилевых ограничений. Как было уже показано выше, протосообщения, оформленные структурами внешней речи, одинаково активно подвергаются вторичной вербализации как в научных, так и в художественных текстах.

Последним из рассматриваемых здесь **параметров** протосообщений является **нормативность/ненормативность речи** протокоммуникантов. Под нормативными в данном случае понимаем сообщения, подчиняющиеся стандартам литературной речи. Сообщения, которые фонетически, лексически и грамматически отклоняются от литературно-стилевых стандартов, полагаем ненормативными.

По нашим наблюдениям, в **научном тексте** вторичная вербализация в подавляющем большинстве случаев охватывает **нормативные** протосообщения, как правило, это цитируемые теоретические источники, также относящиеся к научному стилю. Значительная близость языковых и стилиевых стандартов протосообщения и воспроизводящего текста, во-первых, обуславливает минимальные трансформации в области формы исходного сообщения и, во-вторых, в коммуникативно гетерогенных текстах обеспечивает лингвостилистическую однородность первичных и вторичных частей целого текста.

Исключение из этой общенаучной тенденции могут составлять отдельные филологические исследования, иллюстрируемые сообщениями ненормативного характера (например, устная коллоквиальная и субколлоквиальная речь или надписи-графити, содержащие субстандартную, в том числе бранную лексику, или же речь малограмотных персонажей).

В **художественном тексте** одинаково вероятно использование как **нормативных**, так и **ненормативных** протосообщений. Преимущественный выбор тех или других зависит, в частности, от характера персонажей, существующих в квазиреальном мире художественного произведения, в целом

от общеэстетического канона, которому следует автор. В результате разброс отклонений от общелитературной языковой нормы в художественном тексте оказывается значительно большим, чем в научном.

Степень трансформаций, которым подвергается языковая форма протосообщения в процессе его вторичной вербализации, колеблется в очень больших пределах. Эти пределы детерминированы исторически, эстетически и индивидуально. Ср., например, общепринятую замену эвфемистическим “d---” слов “*damn*”, “*devil*” в репликах персонажей англоязычной литературы XIX века с полной авторской свободой в использовании любых вульгаризмов в литературе второй половины XX и начала XXI вв.

По мнению Рэймонда Чэпмена, “плодотворным объектом стилистического исследования (художественной речи – И. К.) является преднамеренное смешение регистров без чёткой идентификации говорящих. Если в литературе прошлого подобное смешение считалось недопустимым нарушением декорума, то в современной литературе это явление встречается часто” [23, 18]. Из этого обстоятельства логично вытекает, что нормативная лингвостилистическая однородность коммуникативно смешанных текстов – совсем не обязательная черта произведений художественной литературы в отличие от научной. Напротив, на преднамеренном столкновении, контрасте нормативных и ненормативных первичных и вторичных отрезков текста (например, персонажная речь и её авторский комментарий, диалог персонажей с различными социально-культурными статусами) нередко строится очень сильный эстетический эффект, чаще всего комический.

В целом данный параметр протосообщений (их нормативность/ ненормативность) напрямую связан с фактором сходства и различия между коммуникантами исходного и итогового сообщений.

Согласно Дж. Лайонзу, “участники коммуникации “говорящий : слушающий” могут находиться в определённом, *релевантном с точки зрения языка* (курсив наш – И. К.), отношении статуса относительно друг друга (родители:дети, хозяин:слуга, учитель:ученик и т. д.)” [17, 292]. Совпадение статусных отношений у коммуникантов протосообщения и инкорпорирующего его итогового текста приводит к лингвостилистической однородности последнего. Несовпадение статусных отношений приводит к лингвостилистической пестроте итогового текста. Первая ситуация характерна для научной, вторая – для художественной прозы.

Дело в том, что коммуниканты итогового сообщения, если оно является произведением литературы, безразлично художественной или научной, всегда находятся в стабильных статусных отношениях “автор:читатель”. Коммуниканты протосообщения, подлежащего вторичной вербализации в научном тексте, чаще всего имеют аналогичный статус, чего нельзя сказать о протокоммуникантах, чьё общение воспроизводится в рамках художественного текста. Здесь список статусных отношений адресанта

и адресата в принципе бесконечен, а следовательно, бесконечна и вариативность языкового своеобразия протосообщений, вариативность “регистров” (по Чэпмену [23]).

Итак, анализ показал, что по всем четырём выделенным параметрам протосообщения, инкорпорируемые в научный текст, отличаются от сообщений, инкорпорируемых в художественный. Различия состоят в том, что *художественный текст* коммуникативно вторично воспроизводит значительно больший спектр протосообщений, практически не налагая каких-либо ограничений на их отбор, тогда как *научный текст* в процессе вторичной вербализации либо отдаёт предпочтение одной из двух возможных разновидностей протосообщений (письменные, а не устные; нормативные, а не отклоняющиеся от нормы), либо избирает исключительно один из двух возможных членов оппозиционной пары: допуская реальные сообщения и внешнюю речь, отвергая квазиреальные сообщения и внутреннюю речь.

Рассматривая в этом ракурсе парадигму научных текстов, видим, что в ней явно выделяется под-парадигма филологических текстов, которые оказываются на промежуточной позиции между художественными и естественнонаучными сообщениями. Специфика объекта филологических исследований расширяет рамки инкорпорируемых в научный текст исходных сообщений, доводя эти рамки почти до уровня, свойственного художественному тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева Н. П. Зашифровано природой, разгадано человеком // Наука и жизнь. – 1976. – № 9. – С. 79 – 83.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Лабиринт, 2010. – 352 с.
3. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. – Изд. 3-е. – М.: URSS: ЛКИ, 2008. – 494 с.
4. Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности / Психолингвистические основы искусственного интеллекта. – Таллин: Валгус, 1987. – 190 с.
5. Жинкин Н. И. Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех // Изв. АПН СССР, 1960. – № 113. – С. 114 – 148.
6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 210 с. с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
8. Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе // Acta Universitatis Carolinae. Philologica. 1970. – № 32. – Прага, 1970. – С. 60 – 85.
9. Колегаева І. М. Зображення персонажного дискурсу як жанрово детермінований вияв комунікативної вторинності в художньому тексті // Вісник Харківського національного університету. – № 896. – Харків: ХНУ, 2010. – С. 102 – 107.
10. Колегаева І. М. Мегатекст як вияв комунікативної гетерогенності цілого завершеного тексту // Мовознавство. – 1996. – № 1. – С. 25 – 30.
11. Колегаева І. М. Нарис про комунікативну вторинність // Записки з романо-германської філології. – № 13. – Одеса: Латстар, 2003. – С. 85 – 96.

12. Колегаева И. М. Персонажный дискурс, изображённый в художественном тексте и фильме: коммуникативный аспект // Матеріали міжнар. науково-практ. конферен. “Філологія і освітній процес: 21 століття”. – Одеса: ОНУ, РГФ, 2010. – С. 22 – 24.
13. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса: РИООУП, 1991. – С. 106 – 108.
14. Колегаева И. М. Текстовая парадигма: микро-, макро-, мега-, гипер- и просто текст // Записки з романо-германської філології. – № 20. – Одеса: Латстар, 2008. – С. 70 – 80.
15. Колегаева И. М., Попік І. П. Нарис про комунікативну вторинність і вторинний семіозис // Записки з романо-германської філології. – № 16. – Одеса: Фенікс, 2005. – С. 78 – 86.
16. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – Одесса: Латстар, 2002. – 292 с.
17. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 544 с.
18. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: КомКнига, 2007. – 312 с.
19. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
20. Лурия Я. Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
21. Успенский Л. В. Слово о словах. – М.: Изд. Дом Русанова, Пилигрим, 1997. – 415 с.
22. Шлыкова М. А. Об одном стилистическом приёме // Филологические науки. – 1962. – № 4. – С. 158 – 163.
23. Chapman R. Linguistics and Literature: An Introduction to Literary Stylistics. – London: Edward Arnold, 1973. – 224 p.
24. Making it all right. Modern English Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1978. – 127 p.